ПОРАБОЩАЕМЫЙ

НАРОДЪ.

Изданіе ред. журнала „Житє і Слово“

ЛЬВОВЪ

ИЗЪ ТИПОГРАФІИ В. МАЙЕЦКАГО

подъ управительствомъ В. Годака

1 8 9 5.

ПОРАБОЩАЕМЫЙ

НАРОДЪ.

ЛЬВОВЪ
ИЗЪ ТИПОГРАФІИ В. МАНЕЦКАГО
подъ управительствомъ В. Годака
1895.

107
22

Знайте что нѣтъ зрѣлища болѣе печальнаго, болѣе возмутительнаго и болѣе ужаснаго, какъ видѣть, что одинъ народъ угнетаетъ другой.

Гладстонъ

Въ Южной Россіи, въ восточной части австрійской Галиціи и въ сѣверовосточной Венгріи, въ бассейнахъ рѣкъ верхней Тиссы, Днѣстра, Буга, средняго и южнаго Днѣпра и Сѣвернаго Донца живетъ народъ, называемый Украинцами или Русинами (оффиціально Малороссіянами).

Украинцы вмѣстѣ съ Великоруссами и Бѣлоруссами входятъ въ составъ племени, извѣстнаго подъ именемъ восточныхъ или русскихъ Славянъ. Каждая изъ этихъ народностей имѣетъ свои опредѣленныя національныя отличія, обладаетъ своимъ собственнымъ языкомъ.

Въ началѣ своего историческаго существованія, Украинцы были извѣстны подъ именемъ Руси.

Древнѣйшій изъ украинскихъ городовъ, Кіевъ, представлялъ собою первый политическій центръ, вокругъ котораго сгруппировалась въ

IX—XII вѣкахъ федерація земель извѣстныхъ подъ этимъ названіемъ. Въ XI вѣкѣ имя Руси распространялося уже на Волынь и Галицію, но еще не переходило ни въ Новгородъ ни къ Бѣлоруссамъ. Путемъ колонизаціи жителей сѣверовосточныхъ земель Кіевской Руси въ бассейнъ Волги и смѣшенія ихъ съ жившими тамъ прежде финскими племенами, постепенно выработалось новое племя, принявшее также названіе Руси, но имѣвшее совершенно другой уже этнографическій характеръ. Сложившись въ началѣ XIII вѣка въ политическую организацію и усилившись расширеніемъ своихъ предѣловъ, оно начало относиться къ южной Руси какъ къ странѣ совершенно чужой и въ концѣ XIV вѣка образовало въ вассальной зависимости отъ Татаръ отдѣльное государство, называвшее себя Русскимъ, но извѣстное въ западной Европѣ подъ именемъ Московскаго государства или просто Московіи. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого государства, московскіе князья начали именовать себя князьями всея Руси и такимъ образомъ по выраженію историка Костомарова какъ бы похитили у Руси южной ея древнее имя. Въ свою очередь Южная Русь продолжаетъ называють себя Русью, но получаетъ и свое частное имя — Украина, которое она сохраняетъ и по настоящее время, при чемъ Украинцы въ Галичинѣ удержали и старое названіе Русиновъ.

Присоединеніе послѣ татарскаго владычества Южной Руси къ литовскому княжеству совершенно раздѣляетъ историческія дороги пле-

менъ московскаго и украинскаго. Московская Русь остается еще нѣкоторое время подъ властью Татаръ и подъ ихъ вліяніемъ вырабатываетъ у себя централизованное азіатски-деспотическое и глубоко враждебное западной цивилизаціи, непросвѣщенное государство. Южная же Русь, Украина, давши свой языкъ, письменность и религію Литовскому княжеству и войдя потомъ въ концѣ XIV стол. въ составъ государства польскаго, вступаетъ въ кругъ западно-европейской культуры Но при этомъ ея высшіе классы на столько подпадаютъ вліянію польскаго общественнаго строя, что до извѣстной степени теряютъ свою національность. — Стремленіе польской аристократіи и этого ополяченнаго и окатоличеннаго украинскаго панства и отчасти духовенства сдѣлать изъ народа толпу крѣпостныхъ рабовъ и отнять у него его вѣру, повело къ взрыву оскорбленнаго народнаго чувства. Первоначально частныя вспышки переходятъ въ потрясающую революцію, оторвавшую обширный край отъ Польскаго государства. Послѣ нѣкотораго колебанія политическій представитель націи, гетманъ Богданъ Хмельницкій, вмѣстѣ съ козацкимъ военнымъ совѣтомъ по Переяславскому договору 1654 года ставитъ страну подъ протекторатъ Государства Московскаго, при условіи сохраненія въ полной неприкосновенности ея автономіи.

Въ моментъ принятія Украиной „протекціи“ Московскаго государства это послѣднее представляло собой уже прочно сложившуюся

и успѣвшую даже застыть въ неподвижной формѣ деспотическую монархію съ наслѣдственнымъ неограниченнымъ царемъ во главѣ, съ народомъ, всѣ сословія котораго находились въ полномъ рабствѣ и закрѣпощеніи, систематически проведеннымъ начиная съ низшихъ и кончая высшими. Просвѣщеніе въ этой странѣ, проникнутой суевѣрнымъ ужасомъ ко всему новому, почти совершенно отсутствовало; грамотные люди были очень рѣдки даже и среди высшихъ классовъ. Во всемъ государствѣ существовала одна только типографія для печатанія богослужебныхъ книгъ и законовъ.

Въ Украинѣ, наоборотъ, государственная организація далеко не представляла собой формъ остановившихся въ своемъ развитіи и находилась въ процессѣ постепеннаго установленія своихъ политическихъ учрежденій. Въ основѣ ихъ лежалъ общественный строй, имѣвшій характеръ вполнѣ республиканскій. Высшая исполнительная власть въ странѣ принадлежала выборному лицу — гетману. Прочіе органы высшей администраціи — такъ назыв. генеральная старшина, начальники провинцій — полковники, а также и всѣ остальныя должностныя лица были выборныя. Выборнымъ являлось даже и духовенство; высшей церковной власти принадлежало только право дарованія духовнаго сана, но отъ общества прихожанъ зависѣло въ каждый данный моментъ пользоваться услугами своего священника или избрать иного. Городскія сословія имѣли свое собственное муниципальное самоуправленіе по

образцу западно-европейскаго, извѣстное подъ именемъ магдебургскаго права. Крестьянское сословіе, пользовавшееся землей и почти полной личной свободой, стремилось перейти въ козачество; переходъ этотъ не былъ особенно затруднителенъ, хотя и подвергался извѣстнымъ стѣсненіямъ со стороны козаковъ, проявлявшихъ наклонность не особенно широко раздвигать границы своего до нѣкоторой степени привиллегированнаго класса. Представительницею безусловно демократическаго начала являлась Запорожская Січа. Это была военная община расположенная на нижнемъ теченіи Днѣпра и переходившая временами изъ одного днѣпровскаго острова на другой. Будучи основана для защиты края отъ Татаръ, она первоначально служила убѣжищемъ для всѣхъ недовольныхъ польскимъ правительствомъ и шляхтой. Во время принятія московской „протекціи“ Січа уже была правильно организованной рыцарской общиной, со своимъ собственнымъ выборнымъ управленіемъ. Она представляла самостоятельную единицу, de jure признававшую власть гетмана, но въ дѣйствительности поступавшую почти всегда по собственному усмотрѣнію. Січа была главнымъ оплотомъ демократическаго начала и потому пользовалась особой любовью народа и являлась чрезвычайно важной общественной силой.

Что касается просвѣщенія, то оно широко было распространено во всемъ краѣ. При церквяхъ были устроены народныя школы, кромѣ того были школы среднія въ городахъ Острогѣ,

Вильнѣ, Брестѣ, Минскѣ, Львовѣ и иныхъ мѣстахъ; наконецъ существовало и высшее учебное заведеніе — Кіевская Академія. Чтобы понять, насколько самъ народъ, лишенный, какъ уже было упомянуто, своего высшаго сословія, принявшаго польскую культуру, — стремился къ просвѣщенію, достаточно вспомнить, что всѣ эти учебныя заведенія возникли исключительно по общественной иниціативѣ. Ремесленные цехи и купеческія корпораціи составляли общины, называвшіяся братствами и группировавшіяся около церквей и монастырей. Эти то братства и содержали на свои небольшія средства не только всѣ среднеучебныя заведенія, но и Кіевскую Академію. Благодаря грошамъ мѣщанъ и монаховъ украинскіе люди получали въ этихъ школахъ образованіе, ставившее ихъ на одинъ уровень съ просвѣщенными людьми Западной Европы и воспитанники Академіи такъ-же свободно умѣли изъясняться по латыни, какъ и на своемъ родномъ языкѣ. Во всей странѣ было живое просвѣтительное движеніе; и типографіи въ Заблудовѣ, Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Луцкѣ, Черниговѣ, Кіевѣ и пр печатали кромѣ книгъ богослужебныхъ и законовъ, множество полемически-богословскихъ трактатовъ, передѣлокъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ произведеній и т. п. Литература была здѣсь дѣйствительной общественной потребностью и общественной силой. Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Богдана Хмельницкаго, при попыткѣ новаго сближенія съ Польшей, одной изъ статей Гадячскаго договора выговаривалось

открытіе на Украинѣ двухъ университетовъ, нѣсколькихъ среднихъ школъ, безусловная свобода печати и школьнаго преподаванія...

Московское правительство, хотя на основаніи Переяславскаго договора и не имѣло права касаться автономныхъ учрежденій Украины, но все таки не могло, въ качествѣ государства деспотическаго и рабскаго, помириться съ существованіемъ въ протежируемой имъ странѣ республиканской организаціи. И мы видимъ, что оно съ самаго принятія подъ свой протекторатъ Украины прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы уничтожить ея автономію а затѣмъ и ея національность. Сперва эти старанія не даютъ значительныхъ результатовъ. Но страна была очень обезсилена предшествовавшими войнами съ Польшей и защитой себя отъ крымскихъ Татаръ, внутренняя организація распатанная военными потрясеніями не успѣла еще окрѣпнуть, и Московское правительство въ концѣ концовъ достигло таки своего. Для этого оно старалось сѣять несогласія среди правительственныхъ лицъ Украины, поощряло шпіонство и доносы, покровительствовало всѣмъ авантюристамъ, продажнымъ людямъ и помогало имъ своимъ вліяніемъ и деньгами достигать выдающагося положенія. [1])

[1]) Вотъ что пишетъ напр московскій воевода Дм. Голицынъ Головкину: „Для нашей безопасности на Украинѣ надобно прежде всего посѣять несогласіе между полковниками и гетманомъ; не надобно исполнять всякія просьбы гетмана... Когда народъ узнаетъ, что гетманъ такой власти не будетъ имѣть, какъ Мазепа, то надѣюсь, что будетъ приходить съ доносами. При этомъ доносчикамъ не надо показывать суровости: если двое придутъ съ ло-

При помощи подобныхъ же средствъ московское правительство достигло того, что сильно пошатнуло автономію края, подчинивъ украинское духовенство московскому патріарху и назначивши въ украинскіе города московскихъ воеводъ, самоуправствовавшихъ съ помощью гарнизоновъ изъ великороссійскихъ салдатъ и производившихъ грубыя насилія надъ населеніемъ. Нѣсколько возстаній Украинцевъ не помогли дѣлу а послѣдняя извѣстная попытка гетмана Мазепы, вошедшаго въ союзъ съ шведскимъ королемъ, повела къ страшнымъ репрессаліямъ со стороны царя Петра I, который отмстилъ странѣ за возстаніе съ кровожадной жестокостью восточнаго деспота, передъ которой блѣднѣютъ даже неистовства польскихъ пановъ [1])

Доведя до истощенія несчастную страну, Московское правительство отмѣняетъ гетманство, а Екатерина II. окончательно разрушаетъ Запорожскую Січу, отдаетъ ея имущества и земли на расхищеніе своимъ любимцамъ, а народъ столько времени боровшійся за свою свободу и защищавшій западную Европу отъ Ту-

---

жью, а суровости имъ не будетъ показано, то третій и съ правдою придетъ а гетманъ и старшины будутъ опасаться... Какъ прежде я вамъ писалъ, такъ и теперь повторяю: необходимо, чтобы во всѣхъ порубежныхъ городахъ были полковники несогласные съ гетманомъ..." (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI, ст. 40 41).

[1]) Нпр. резиденція гетмана Мазепы г. Батуринъ былъ сожженъ и разрушенъ, населеніе, не исключая стариковъ, женщинъ и дѣтей, истреблено — четвертовано, колесовано, посажено на колъ и т. п.; трупы козаковъ были прибиты къ доскамъ и пущены по рѣкѣ Сейму, чтобы устрашить ихъ видомъ окрестное населеніе, и пр.

рокъ и Татаръ обращается въ толпу крѣпостныхъ рабовъ.

Такъ была уничтожена политическая самостоятельность Украины.

Но сдѣлать это значило исполнить только половину задачи. Надо было уничтожить и умственную самостоятельность украинскаго народа.

Въ Московскомъ государствѣ цензуры пока не существовало: въ ней не было надобности въ странѣ, гдѣ существовала всего одна казенная типографія, въ которой книги печатались по царскимъ указамъ. Въ Украинѣ-же была свободная литература и литературу эту „съ государственной точки зрѣнія“, какъ говорятъ нынѣшніе великорусскіе историки, необходимо было задавить. Такимъ образомъ первая цензура въ Московскомъ государствѣ и была учреждена именно для Украины.

Впрочемъ первоначально цензура обращала свое главное вниманіе на вѣру. Не только рационалистическія ученія, сильно распространенныя тогда въ Украинѣ, но и простыя отличія въ православной обрядности пугали правительство и московское духовенство, привыкшее видѣть святыню въ буквѣ. На основаніи царскихъ указовъ московскіе чиновники отбирали книги, въ которыхъ они находили ересь или просто какое либо отличіе отъ московскаго православія, и жгли ихъ.

Но „очищая вѣру“ пока еще не трогали языка. Честь почина въ этомъ отношеніи принадлежитъ „геніальному преобразователю Россіи“

Петру I. Онъ не только перетягивалъ всѣми силами и средствами украинскихъ ученыхъ людей въ Московскую землю (что было понятно), но и рѣшилъ убивать просвѣщеніе въ землѣ украинской. Въ 1720 г. онъ издалъ указъ, въ которомъ говорилось: „Великому Царю стало извѣстно, что въ кіевскихъ и черниговскихъ типографіяхъ часто печатаются книги несогласно съ московскими... того ради Его Царское Величество повелѣлъ никакихъ книгъ, кромѣ прежнихъ церковныхъ тамъ не печатать, да и старыя церковныя книги къ печати выправлять и сравнивать съ такими же московскими, чтобы были совершенно одинаковы, чтобы никакого отличія и особаго нарѣчія ни въ какомъ случаѣ не было.“ [1])

Для литературы Украины, страны обезсиленной страшными воинными тягостями, угнетаемой деспотической рукой Петра I-го, фактически лишенной уже своей автономіи, — этотъ указъ былъ страшнымъ ударомъ. Печатная литература въ Украинѣ вслѣдствіе того указа почти исчезаетъ. Лучшія умственныя силы взяты Петромъ въ московскую землю..

Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ уничтоженіе украинскихъ учебныхъ заведеній или передѣлка ихъ на московскій ладъ. Народныхъ школъ въ Украинѣ (лѣтъ еще сто и болѣе назадъ тому) было гораздо больше, чѣмъ ихъ имѣется въ настоящее время, не смотря на то, что теперь на-

[1]) Напечатано въ Собраніи распоряженій и постановленій по цензурѣ, изд. Минист. Народ. Просвѣщ. 1862.

селеніе въ нѣсколько разъ увеличилось. Правительство закрывало эти школы и при содѣйствіи полиціи тащило дѣтей противъ воли ихъ родителей въ свои школы, устроенныя для того, чтобы воспитывать народъ въ московскомъ національномъ духѣ. Кіевская Академія тоже подвергается передѣлкамъ по московскому образцу и утрачиваетъ свое прежнее значеніе, ученый уровень ея понижается и она превращается просто въ духовную школу. Литературно-просвѣтительное движеніе замираетъ, какъ замираетъ и вся общественная жизнь. На взглядъ могло казаться, что все уже умерло.

Однако до этого еще не дошло. Незамѣтно для правительственнаго глаза начинаетъ пробиваться родникъ новыхъ силъ, появляются люди обращающіеся непосредственно къ народной безъискуственной рѣчи и ихъ произведенія, преимущественно сатирическаго характера, ходятъ въ рукописяхъ Наконецъ, черезъ 78 лѣтъ послѣ указа Петра I-го, Иванъ Котляревскій печатаетъ свою народію на Энеиду Виргилія народнымъ языкомъ и кладетъ основаніе новому періоду украинской литературы. Появляется рядъ талантливыхъ произведеній Гулака-Артемовскаго, Квитки, Гребинки, Костомарова, Куліша и наконецъ — свѣточа украинской поезіи, Шевченка.

Сначала правительство подвергаетъ эти произведенія такой-же цензурѣ, какъ и произведенія писателей-великоруссовъ; но уже Квѣтка подвергается притѣсненіямъ: его „Исторія Украины“ и „Священная исторія“ для

народа не могутъ появиться въ свѣтъ только потому, что они написаны по украински.

Въ 1847 году наступила гроза. Костомаровъ, Бѣлозерскій, Навроцкій, Гулакъ и еще нѣсколько лицъ составили кружокъ — „Кирилло-Меѳодіевское братство“, — который имѣлъ цѣлью путемъ распространенія просвѣщенія между дворянствомъ и крѣпостнымъ народомъ достигнуть отмѣны крѣпостнаго права, страшной язвы тогдашней Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ кружокъ желалъ способствовать тому, чтобы всѣ Славяне соединились въ федеративный союзъ (съ сохраненіемъ автономіи каждаго) подъ главенствомъ россійскаго императора. По доносу члены кружка были арестованы, равно были арестованы Кулішъ и Шевченко не бывшіе въ кружкѣ. Всѣхъ обвиняли въ намѣреніи отторгнуть Украину отъ Россіи. Хотя слѣдствіе и не подтвердило этихъ обвиненій, но арестованныхъ безъ суда, административнымъ порядкомъ заперли въ крѣпость и затѣмъ разослали въ ссылку. Наиболѣе печальная судьба постигла Шевченка. У него нашли стихотворенія подвергавшія рѣзкой критикѣ тогдашній государственный строй Россіи. Его отдали въ солдаты въ гарнизонъ одного изъ укрѣпленій на берегу Аральскаго Моря, лишивъ его права писать и рисовать, подвергнувъ всѣмъ ужасамъ тогдашней солдатчины.

Послѣдствія этой исторіи были самыя печальныя. Погибла масса рукописей, готовыхъ работъ; лучшимъ украинскимъ литературнымъ силамъ запрещено было что-либо печатать, а

Шевченко лишенъ былъ даже права писать письма. Оставшіеся нетронутыми писатели были напуганы репрессаліями и замолкли. Правда, черезъ нѣсколько лѣтъ опять начинаютъ появляться украинскія книги, но съ какими затрудненіями приходилось бороться ихъ авторамъ, показываетъ напр. тотъ фактъ, что невиннѣйшій сборникъ народныхъ пѣсенъ Метлинскаго („Южнорусскія народныя пѣсни“) разсматривался въ цензурѣ цѣлые семь лѣтъ (1847—1854)! Другой сборникъ того-же Метлинскаго — Альманахъ, составленный изъ произведеній украинскихъ писателей, пролежалъ въ цензурѣ два или три года и возвратился страшно искалѣченнымъ: почти половина его была запрещена, ибо все, гдѣ встрѣчалось слово „воля“ т. е. свобода, вычеркивалось безъ пощады, хотя-бъ тамъ говорилось о томъ, что лошадь гуляла „на волѣ“.

Съ началомъ царствованія Александра II. начались въ Россіи либеральныя вѣянія, подготовлялось освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Лицамъ пострадавшимъ по дѣлу Кирилло-Меѳодіевскаго кружка была возвращена свобода, — позже всѣхъ Шевченку, пробывшему десять лѣтъ въ салдатской обстановкѣ, убившей его здоровье (онъ вскорѣ умеръ). Наступило нѣкоторое облегченіе и для украинской литературы: появляются журналы (по украински и по великорусски вмѣстѣ) служившіе національному возрожденію и просвѣщенію народныхъ массъ; являются воскресныя школы съ украинскимъ учебнымъ языкомъ; работаетъ цѣлый рядъ мо-

лодыхъ украинскихъ писателей; дозволенъ былъ украинскій театръ и даже театральныя афиши позволялось печатать по украински (впослѣдствіи это уже не допускалось никогда).

Однако все это продолжалось очень не долго, всего около трехъ лѣтъ... и уже въ 1863 году появляется „по Высочайшему повелѣнію“ секретное отношеніе Министра внутреннихъ дѣлъ Министру народнаго просвѣщенія отъ 8 іюня N. 394, въ которомъ между прочимъ говорилось:

„Прежнія произведенія на малороссійскомъ (т. е. украинскомъ) языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы Южной Россіи, нынѣ-же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную и тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ, принялись подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія за изданіе книгъ для первоначальнаго чтенія, букварей, грамматикъ, географій и т. д....“

Сами по себѣ грамматики и буквари, по крайней мѣрѣ въ то время, не казались русскому правительству особенно страшными, но они разсматривались какъ нѣчто опасное потому, что это были украинскіе буквари, украинскія грамматики; дѣло шло о языкѣ, и авторъ или авторы цитируемаго документа нѣсколько ниже говорятъ съ видимымъ раздраженіемъ:

„Никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ и на-

рѣчіе ихъ (т. е. Украинцевъ), употребляемое простонародьемъ, есть тотъ-же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши.“

Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса, что именно было причиной этого совершенно невѣроятнаго утвержденія: безусловное-ли невѣжество русскаго правительства или его безконечный цинизмъ не стѣснявшійся самой безцеремонной ложью?

Вопросъ объ исторіи украинскаго языка и о самостоятельности его въ ряду прочихъ славянскихъ языковъ задолго передъ 1863 годомъ былъ уже предметомъ научнаго изслѣдованія и ученой критики. Имъ занимались въ Россіи такіе ученые какъ Максимовичъ[1]), П. Лавровскій[2]), Бодянскій[3]), а въ послѣднее время Потебня[4]), Житецкій[5]), а въ литературномъ отношеніи Пыпинъ и Спасовичъ[6]) и др.; въ западной Европѣ: Миклошичъ[7]), Шлейхеръ[8]), Лес-

[1]) Максимовичъ М. А. Полное собр сочин. Кіевъ 1876—80 „О независимомъ существованіи украин. языка“ 1857.

[2]) Лавровскій. Обзоръ замѣчат. особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями. Журн. Мин. Народ. Просв. 1859, N. 6, стр 263.

[3]) Бодянскій. Чтенія въ И. Общ. Ист. и Древн. 1858 IV. III, 72.

[4]) Потебня. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ 187 .

[5]) Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія. Кіевъ 1876.

[6]) Пыпинъ и Спасовичъ. Исторія славян. литературъ, 2 изд. I, 310—311.

[7]) Miklosich. Vergleichende Grammatik, I, IX.

[8]) Schleicher. Beiträge zur vergleich. Sprachforschung. 1857 I, 22.

кинъ[9]), Ягичъ[10]), Говелякъ[11]), Talvi[12]), Hins[13]), Friedr. Müller[14]) и пр. Мнѣнія всѣхъ этихъ ученыхъ резюмируются слѣдующими словами великаго слависта Миклошича: „изслѣдованіе показываетъ, что украинскій языкъ слѣдуетъ разсматривать, какъ языкъ самостоятельный, а не какъ нарѣчіе великорусскаго“; по отзыву же Лавровскаго: „черты этого нарѣчія даютъ ему неоспоримое право на такое-же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія славянскія нарѣчія.“ Такъ его и разсматриваютъ всѣ упомянутые ученые и въ настоящее время ни одному грамотному человѣку въ цѣломъ мірѣ не придетъ въ голову утверждать что либо противное.

Относительно „вліянія Польши“ должно полагать, что русскій министръ приписывалъ ему очень большое значеніе, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ запугиванія кого слѣдуетъ, такъ какъ онъ не постыдился пуститься въ оффиціальной бумагѣ на явную ложь для доказательства своихъ утвержденій: „Явленіе это (т. е. украинское движеніе) тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ (!) и едвали не имъ обязано своимъ происхожденіемъ(!),

---

[9]) Leskien. Handbuch der altbulgarischen Sprache. Weimar 1871.

[10]) Jagić, Archiv für slav. Philologie I. 508.

[11]) A. Hovelaque. La Linguistique, 366. 387.

[12]) Talvi. Historical view of the Languages and Littérature of the Slavic Narions, p. 8 9.

[13]) Hins. La Russie dévoilée au moyen de sa littérature populaire. P. 1883, p. XX—XXI.

[14]) Friedr. Müller. Allgemeine Ethnographie, S. 477.

судя по рукописямъ поступившимъ въ цензуру и по тому, что большая часть малороссійскихъ сочиненій дѣйствительно поступаетъ отъ поляковъ". Тенденціозную ложность всего этого безполезно даже и доказывать, такъ какъ всякому сколько нибудь знакомому съ дѣломъ хорошо извѣстно, что между мало-мальски выдающимися украинскими писателями совсѣмъ нѣтъ поляковъ, если же въ украинской литературѣ и встрѣчалось тогда одно или два имени поляковъ по происхожденію, то вѣдь ихъ было гораздо больше въ литературѣ „русской", о которой россійскій министръ конечно не сказалъ-бы, что она возникла „подъ вліяніемъ поляковъ". Но все это въ сущности было совершенно безразлично а дѣло заключалось только въ томъ, что тогдашнему россійскому правительству „эпохи реформъ" просто нежелательно было умственное и литературное движеніе въ Кіевѣ въ ущербъ Москвѣ и Петербургу. По этому упомянувъ въ числѣ доводовъ противъ украинской литературы то, что и кіевскій генералъ-губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ духовной цензурой перевода на малороссійскій языкъ „Новаго Завѣта", бумага оканчивается такъ:

„Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ Св. Синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія про-

изведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; съ пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа пріостановиться. О распоряженіи этомъ было повергаемо на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе и Его Величеству благоугодно было удостоить оное Монаршаго благоволенія.“ [1])

Если мы прибавимъ къ этому, что цензора не особенно церемонились и съ той частью литературы, которая еще не была запрещена, т. е. съ произведеніями изящной словесности, то мы поймемъ, почему съ указываемаго времени лѣтъ за десять вышло лишь нѣсколько десятковъ украинскихъ книжекъ въ Россіи. Но и изъ этого положенія нашелся однако выходъ, котораго быть можетъ и не ожидали творцы „секретнаго отношенія“ 1863 года — этотъ выходъ оказался въ Галиціи.

При первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 г. часть украинской земли отошла къ Австріи — именно восточная часть нынѣшней австрійской провинціи Галиціи. Въ 1777 г. присоединена была къ Австріи и другая провинція съ украинскимъ населеніемъ — Буковина. Въ сложности въ Австріи жило до 3-хъ милліоновъ украинцевъ. Попавъ въ лучшія политическія условія, получивъ впослѣдствіи конституцію, авс-

[1]) Правда, місячник політики, науки і письменства. Львів, 1894 V. 282—283.

трійскіе украинцы (иначе Русины) при помощи украинцевъ изъ Россіи и подъ ихъ вліяніемъ ко времени вышеприведеннаго запрещенія успѣли уже сдѣлать кое-что для національнаго возрожденія своей части украинскаго народа, имѣли свои школы, прессу и своихъ представителей въ австрійскомъ парламентѣ. Сюда-то теперь и переносятъ украинцы россійскіе свою дѣятельность Здѣсь въ 1867 году основывается журналъ „Правда“, въ которомъ участвуютъ лучшія украинскія литературныя силы: И Левицкій, Мирный, Старицкій, Драгомановъ, Кулішъ, Конисскій и многіе другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно печатаются въ Галиціи и отдѣльными книгами работы украинскихъ писателей изъ Россіи. Книгъ этихъ цензура не пропускала въ предѣлы Россіи, но „Правду“ (многое вырѣзывая и замазывая) все таки кое-какъ допускала.

Начиная съ 1873 г. цензура, забывъ вѣроятно объ указѣ 1863 г. и уступая постоянному хотя и глухому давленію украинскаго мнѣнія, начинаетъ относиться къ украинской литературѣ нѣсколько снисходительнѣе. Это сравнительное облегченіе продолжалось около трехъ лѣтъ и въ теченіи этого времени украинцы, не оставляя работы въ Галиціи, могли издать въ Россіи рядъ популярно - научныхъ брошюръ для народа и напечатать или приготовить къ печати около двухъ десятковъ томовъ собранныхъ разными лицами этнографическихъ матеріаловъ — народныхъ пѣсенъ, сказокъ, легендъ, разсказовъ и пр имѣющихъ серьезное научное

значеніе и поставившихъ труды украинскихъ ученыхъ на видное мѣсто въ западно-европейской наукѣ. Цензура позволила даже напечатать по украински небольшую часть „Судебныхъ уставовъ“, но Священное писаніе такъ и осталось для украинскаго народа запретнымъ плодомъ; объ украинскомъ журналѣ или газетѣ тоже нечего было и думать.

Но и эта пародія на возможность дышать продолжалась недолго. Въ Кіевѣ основанъ былъ „Юго-Западный Отдѣлъ Р. Географическаго Общества“ — общество состоявшее изъ украинскихъ ученыхъ, занимавшихся главнымъ образомъ мѣстной этнографіей и много обѣщавшее для науки. Но занятій у к р а и н с к о й этнографіей и постановки вопроса о „р о д н о м ъ языкѣ“ во время однодневной статистической переписи Кіева достаточно уже было для того, чтобы клика проходимцевъ, сдѣлавшихъ себѣ выгодное ремесло изъ „благонамѣренности“ и „обрусѣнія“, во главѣ которой находился извѣстный, предавшій когда-то Костомарова ренегатъ и тайный совѣтникъ В. Юзефовичъ, подняла крикъ въ оффиціозной прессѣ и начала посылать въ Петербургъ формальные доносы о томъ, что подъ видомъ Географическаго Общества существуетъ въ Кіевѣ тайное скопище злоумышленниковъ, имѣющихъ въ виду государственный сепаратизмъ, а поэтому крайне опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Результатомъ этихъ доносовъ было назначеніе особой коммиссіи изъ министровъ внутр. дѣлъ и народнаго просвѣщенія, шефа жандармовъ и упомянутаго Юзефовича и послѣ-

довавшій затѣмъ разгромъ украинскаго „сепаратизма“ вообще и украинской литературы въ частности. По повелѣнію Царя-„Освободителя“ Югозападный Отдѣлъ Географическаго Общества былъ закрытъ, его рукописи и Музей куда-то исчезли, многіе изъ членовъ и изъ украинскихъ дѣятелей вообще были высланы изъ Украины въ московскія мѣстности, погибло множество начатыхъ и оконченныхъ уже ученыхъ работъ. По отношенію же къ украинской литературѣ россійское правительство разразилось „с е к р е т н о“ [1]) слѣдующимъ историческимъ документомъ:

М. В. Д.
Главное Управленіе по дѣламъ печати
5 іюня 1876 г.
N. 3158.

Секретно.

Государь Императоръ 30-го минувшаго мая Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, какихъ-бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ заграницею на малороссійскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ

[1]) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ впрочемъ этотъ документъ былъ обнародованъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ.

Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ-же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь:

а) историческихъ документовъ и памятниковъ и

б) произведеній изящной словесности; но съ тѣмъ, чтобы при печатанію историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности — не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣнію рукописи въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

Начальникъ Главнаго Управленія
по дѣламъ печати
Григорьевъ.

Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ отрѣзывался языкъ семнадцати милліонамъ украинской націи, живущимъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Вся почти литературная дѣятельность на украинскомъ языкѣ должна была

прекратиться. Книги почти совсѣмъ не выходили вслѣдствіи страшнаго гнета цензуры, доходившаго до того, что передѣлка извѣстной пьесы Мольера „Le médécin malgré lui“, сдѣланная г-жей Литвиновой, была воспрещена потому, что она будто-бы оскорбляетъ таинство брака. Извѣстный украинскій композиторъ Лысенко хотѣлъ напечатать свою оперу „Чорноморці“ и не смотря на то, что либретто было уже раньше напечатано, ему позволили издать лишь ноты безъ словъ и безъ заглавія. То-же самое случилось потомъ, нѣсколько позже съ оперою композитора Сокальскаго „Тарасъ Бульба“. Сперва цензура разрѣшила напечатать либретто, но когда у нея попросили разрѣшенія издать ноты оперы со словами — то она это воспретила. Деспотическое преслѣдованіе дошло до того, что цензоръ, встрѣчая въ великорусскихъ журналахъ повѣсть изъ украинской жизни, разумѣется по великорусски, попадавшіяся въ ней отдѣльныя украинскія слова зачеркивалъ и надписывалъ вмѣсто нихъ московскія. Украинская пѣсня была запрещена для публики, а языкъ украинскій давно уже былъ изгнанъ изъ сколько-нибудь общественнаго или публичнаго употребленія.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, благодаря болѣе либеральному взгляду на украинскую литературу сенатора Половцева, ревизовавшаго кіевскую и черниговскую губерніи, этотъ дикій режимъ нѣсколько смягчился. Въ чемъ именно заключалось это смягченіе, можно видѣть изъ слѣдующаго, также секретнаго циркуляра,

разосланнаго губернаторамъ въ 1881 г. тогдашнимъ министромъ внутрен. дѣлъ графомъ Н. Игнатьевымъ:

Циркуляръ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ 1881 г.

„Въ 1876 г. съ Высочайшаго соизволенія были установлены ограничительныя правила относительно употребленія малороссійскаго нарѣчія. Правила эти сообщенныя Господамъ Начальникамъ Губерній циркуляромъ отъ 26 іюня 1876 г. за N. 357 заключаютъ въ себѣ три слѣдующія постановленія:

(Слѣдуетъ текстъ приведеннаго выше Выс. повелѣнія).

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Пунктъ 2-ый правилъ дополнить поясненіемъ, что къ числу изданій, которыя дозволяется печатать на малороссійскомъ нарѣчіи, прибавляются словари, подъ условіемъ печатанія ихъ съ соблюденіемъ общерусскаго правописанія или правописанія употреблявшагося въ Малороссіи не позже XVIII. вѣка;

2) Пунктъ 3-ій разъяснить въ томъ смыслѣ, что драматическія пьесы, сцены и куплеты на малороссійскомъ нарѣчіи, дозволенныя къ представленію въ прежнее время драматическою цензурою, а равно и тѣ, которыя вновь будутъ дозволены Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, могутъ быть исполняемы на сценѣ съ особаго каждый разъ разрѣшенія Генералъ-Губернаторовъ, а въ мѣстностяхъ не подчиненныхъ Генералъ-Губернаторамъ съ разрѣше-

нія Губернаторовъ, и что разрѣшеніе печатанія на малороссійскомъ нарѣчіи текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ, при условіи общепринятаго русскаго правописанія, предоставляется Главному Управленію по дѣламъ печати, и

3) Совершенно воспретить устройство спеціально малорусскихъ театровъ и формированіе труппъ для исполненія пьесъ и сценъ исключительно на малороссійскомъ нарѣчіи.

Такимъ образомъ удалось добиться позволенія ставить театральныя пьесы и давать концерты съ украинскими пѣснями, — при чемъ программа каждаго концерта должна содержать и великорусскія пѣсни, а каждое представленіе украинской пьесы обязательно должно сопровождаться представлен емъ и пьесы великорусской. Начали пропускать (хотя и не всегда регулярно) двѣ-три украинскія газеты изъ Галиціи, а внутренняя цензура дозволила напечатать нѣсколько популярно-научныхъ брошюръ. Но и при этомъ цензура поступала больше по собственнымъ соображеніямъ: въ одномъ мѣстѣ пропустили брошюру о дифтеритѣ, а въ другомъ въ тоже самое время запретили брошюру о холерѣ и т. п. Разрѣшено было даже печатаніе украинскихъ переводовъ „Антигоны“ Софокля и „Гамлета“ Шекспира, однако несмотря, на неоднократныя ходатайства не былъ дозволенъ ни одинъ украинскій журналъ, а религія вмѣстѣ съ исторіей продолжали быть изъятыми изъ области украинской литературы.

Впрочемъ и это смягченіе продолжалось очень недолго. Украинскіе концерты и представленія, правда, еще кое-какъ держатся (за исключеніемъ впрочемъ Кіева, гдѣ они почти не дозволяются), но послѣ двухъ лѣтъ нѣкотораго цензурнаго благоволенія наступила снова прежняя реакція. Уже съ половины 1883 года не допускалось ни одной книжки научнаго содержанія, запрещены были снова переводы разсказа Л. Толстаго „Чѣмъ люди живы“ и пр

Теперь положеніе украинской литературы таково: Цензура дозволяетъ печатать только этнографическіе матеріалы и оригинальныя произведенія изящной словесности изъ современной народной жизни. Все касающееся науки и религіи, всѣ переводы, всѣ беллетристическія произведенія изъ жизни образованныхъ классовъ, вся историческая беллетристика и поезія, кромѣ „Кобзаря“ Шевченка (до сихъ поръ далеко еще неполнаго), безусловно всѣ педагогическія изданія и даже сборники разсказовъ для дѣтей — воспрещены. Каждая украинская рукопись должна быть представлена обязательно кіевскому цензору; цензоры Петербурга, Москвы и Одессы не принимаютъ украинскихъ рукописей или если и принимаютъ, то только въ томъ случаѣ, когда авторъ дастъ подписку печатать книгу въ томъ городѣ, въ которомъ она будетъ пропущена цензурой. Кіевскій (или иной) цензоръ разсмотрѣвъ рукопись, представляетъ ее съ своими замѣчаніями въ Петербургъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, которое ее по большей части запрещаетъ

(рукописи при этомъ не возвращаются, важнѣйшія же изъ нихъ передаются въ жандармское вѣдомство, спеціальность котораго въ Россіи составляютъ, какъ извѣстно, политическія преступленія); если же оно найдетъ возможнымъ дозволить рукопись, то возвращаетъ ее цензору и тотъ подписываетъ разрѣшеніе печатать. Эта процедура тянется отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ. Запрещая рукопись, цензура въ большинствѣ случаевъ даже и не увѣдомляетъ автора о своемъ рѣшеніи На запросъ же о причинахъ его или отвѣчаетъ, что этотъ запросъ „не подлежитъ удовлетворенію“, или указываетъ на ст. 22-ую Цензурнаго устава, гдѣ говорится, что произведеніе можетъ быть воспрещено за его духъ и направленіе, при чемъ этотъ духъ и это направленіе улавливается конечно самимъ цензоромъ, — понятно, что на основаніи этой статьи можно запретить даже фразу: „Я хочу спать“.

Однако и это оказывается недостаточнымъ. Украинская нація обречена россійскимъ правительствомъ на уничтоженіе. По этому воспрещается все, что только можетъ свидѣтельствовать о ея существованіи, если это даже написано и по московски Такъ недопущена напр. къ печати написанная на россійскомъ государственномъ языкѣ украинская грамматика, а на вопросъ о причинѣ компетентное въ этомъ дѣлѣ лицо отвѣтило съ полнымъ цинизмомъ нѣчто въ такомъ родѣ: „И что вы за наивные люди!... Хотятъ, чтобы имъ пропустили грамматику того языка, который по государс-

твеннымъ соображеніямъ не долженъ существовать!...“

Впрочемъ и это еще не конецъ: по отношенію къ украинской литературѣ россійская цензура дошла до такой безстыдной разнузданности, которую можна сравнить только съ самодержавіемъ россійской жандармеріи, поставленной выше всякаго закона. Украинская книжка лишена какихъ бы то ни было правъ легального существованія. Цензоръ запрещаетъ въ ней не то, чего нельзя дозволить по закону (такого ему и не представляютъ для разсмотрѣнія) и дозволяетъ не то, что по закону можетъ быть дозволено (ибо все представляемое дозволить можно), а просто что ему захочется или не захочется дозволить — соотвѣтственно его собственнымъ административнымъ соображеніямъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ нѣсколько первыхъ попавшихся подъ руку фактовъ (а имя имъ — легіонъ!):

Въ южнорусскихъ народныхъ сказкахъ И. Рудченка, изд. въ 1869 г., напечатана народная сказка „Бідний вовк“, — очевидно въ ней не было ничего нецензурнаго. И въ самомъ дѣлѣ, она выходитъ въ 1885 г. отдѣльною книжечкою въ Харьковѣ, но въ 1889 г цензоръ вычеркиваетъ этотъ невинный народный разсказъ изъ сборника „Казки і оповіданя“, изданнаго въ 1890 г. въ Кіевѣ.

Въ томъ-же сборникѣ сказокъ Рудченка есть сказка „Яйце-райце“. Въ качествѣ совершенно цензурной она была дозволена къ перепечаткѣ въ сборничкѣ „Дітські пісні, казки

й загадки“ (Кіевъ 1876); однакъ въ 1888 г. она оказалась опасною для прочности россійскаго государства и цензоръ ее воспретилъ; за то въ 1891 г. она вѣроятно утратила свой вредоносный характеръ и съ дозволенія цензуры опять была перепечатана въ Кіевѣ.

Въ книгѣ В. Чайченка „Під сільскою стріхою“ (Кіевъ 1886) напечатаны разсказы: „Экзамен“, „Без хліба“, „Сестриця Галя“, а въ альманахѣ „Складка“ (Харьковъ 1887) его же разсказъ „Одна, зовсім одна“. Въ 1886 году г. Чайченко послалъ въ цензуру сборникъ изъ 9-ти своихъ разсказовъ, въ числѣ которыхъ были и только что названные. Цензура вырвала изъ средины рукописи два разсказа еще нигдѣ не напечатанныхъ и дозволила ихъ, а остальное, въ томъ числѣ и 4 разсказа уже раньше напечатанные, не пропустила. Но въ 1888 г. она уже нашла возможнымъ дозволить въ печати разсказъ „Без хліба“ а потомъ въ 1889 и „Сестрицю Галю“, а разсказъ „Одна, зовсім одна“ не дозволила еще два раза въ 1888 и въ 1891 гг.

Бывшему профессору греческой литературы въ аѳинскомъ университетѣ г. Петру Ницинскому воспрещено было напечатать украинскій переводъ „Одиссеи“, не смотря на то, что по цензурному уставу для переводовъ классическихъ произведеній предварительная цензура не обязательна. Когда онъ напечаталъ этотъ переводъ въ Галиціи и издатели послали его на разсмотрѣніе россійской цензуры съ просьбой допустить изданіе въ предѣлы Имперіи, —

книга была возвращена имъ съ отказомъ, даже неразрѣзанною.

Нѣсколько разъ цензура дозволяла московскимъ торговцамъ народными книжками пѣсенники, составленные изъ украинскихъ пѣсенъ, правда, часто изуродованныхъ неумѣлыми издателями-промышленниками; дозволяла она такіе сборники и инымъ лицамъ; но въ 1887 и 1889 гг. она запрещаетъ тѣ-же самыя пѣсни, но только исправно проредактированныя въ двухъ сборникахъ: „Лірник“ и „Пісні“. Въ 1894 г. она дозволяетъ такой-же сборникъ пѣсенъ „Живі Струни“, но выбрасываетъ изъ него множество пѣсенъ, безчисленное количество разъ печатавшихся во всякихъ этнографическихъ сборникахъ и пѣсенникахъ. Вотъ одна изъ этихъ запрещенныхъ пѣсенъ — позволяемъ себѣ привести ее цѣликомъ (въ переводѣ), чтобъ читатели могли собственными глазами видѣть, что запрещаетъ россійская цензура и до какихъ геркулесовыхъ столбовъ издѣвательства дошла она относительно Украины:

N. 37.

Изъ-за горы буйный вѣтеръ вѣетъ,
Тамъ вдова пшеницу сѣетъ,
А посѣявъ, стала бороновать,
А заборановавши, стала Бога просить:
Уроди, Боже, хорошую пшеницу
Для дѣтей вдовы, для ея добраго имени.
Еще вдова и до дому не дошла,
Какъ уже говорятъ люди, що пшеница взошла;
Еще вдова на скамьѣ не сѣла,
Уже говорятъ люди, что пшеница созрѣла.

Пошла вдова глядѣть пшеницу —
„Горе мнѣ, что дѣти малы!
Дѣти мои, дѣти! горе мнѣ съ вами,
Что нѣтъ надъ вами старшаго!“
— Мать наша, мать, не печалься о насъ:
Мы выростемъ и сами розойдемся.
Будетъ насъ, мать, и по степямъ и по долинамъ,
Будетъ насъ, мама, во всѣхъ сторонахъ.
Будешь ты, мать, какъ кукушка куковать
А некому будетъ тебѣ и пить подать!“

Нѣтъ никакой возможности даже и предположить себѣ, что такое могъ найти цензоръ опаснаго въ этой пѣсенкѣ, выражающей только безпредѣльную вѣру въ Бога?! Остается предположить одно, что цензура запрещаетъ просто на удачу, что попадется подъ руку, лишь-бы запрещать, лишь-бы не давать дышать этой литературѣ, этому языку, которые присуждены къ смерти и борятся со своими палачами...

И это еще не все. Цензура прямо приняла систему: запрещать почти все сколько нибудь обьемистое и талантливое и дозволять все ничтожное и глупое въ представленныхъ ей для разсмотрѣнія рукописяхъ. Если-бъ мѣсто позволяло намъ, мы могли-бы привести рядъ примѣровъ того, какъ цензура, чтобъ дозволить глупую и плохую вещь, нарушаетъ даже установленныя правила и пропускаетъ историческую беллетристику и переводы, что существующими для украинской литературы постановленіями не допускается. Цѣль тутъ очевидна: дискредитировать эту литературу; мы, молъ, не запрещаемъ ея, но чѣмъ же мы виноваты, ес-

ли она не даетъ ничего кромѣ литературнаго хлама!...

Наконецъ чтобъ уничтожить у россійскихъ украинцевъ даже самую мысль о возможности своей литературы, цензура въ прошломъ году запретила къ допущен ю въ Россію всѣ прежде кое-какъ доходившія сюда украинскія изданія.

Даже языкъ, даже правописаніе служатъ предметомъ придирокъ со стороны цензуры. Цензоры, не зная языка, позволяютъ себѣ исправлять украинскія рукописи или запрещать ихъ подъ предлогомъ неправильности языка. Такъ бывшій кіевскій цензоръ запретилъ сборникъ стихотвореній талантливаго поэта г. В. Самійленка на томъ основаніи, что языкъ этихъ стихотвореній плохъ.. И это въ то время, когда въ цензурномъ уставѣ существуетъ статья, прямо запрещающая цензорамъ касаться литературной стороны разсматриваемыхъ произведеній. Украинскій языкъ давно уже лишенъ своего собственнаго правописанія: цензура требуетъ для него употребленія того же правописанія что и въ государственномъ русскомъ языкѣ, заставляетъ употреблять буквы ы, ъ, ѣ не существующія въ украинскомъ алфавитѣ и не дозволяетъ напр. (даже съ помощью московскаго алфавита) іотировать въ требуемыхъ языкомъ случаяхъ звуки!...

Самое имя Украина, украинскій цензура хотѣла-бы уничтожить: она вычеркиваетъ эти слова изъ рукописей. Однажды, когда совсѣмъ вычеркнуть слова „наша Україна“ не дозволялъ смыслъ, цензоръ зачеркнулъ слово на-

ша, вѣроятно думая: пусть хоть и читаютъ „Украина“, но не знаютъ, что это ихъ страна.. (это сдѣлано было со сборникомъ „Колоски“, въ статьѣ N. 31).

Вмѣстѣ съ тѣмъ россійское правительство обратило свое вниманіе и на Галичину На средства оффиціальныя и полу-оффиціальныя (Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Комитета) оно содержитъ тамъ цѣлый отрядъ шпіоновъ, которые доносятъ въ Россію о тамошнихъ общественныхъ движеніяхъ, указываютъ лица изъ россійскихъ украинцевъ, которыя ведутъ сношенія съ украинцами галицкими и пр. Благодаря деньгамъ изъ Россіи и дѣятельности нѣкоторыхъ россійскихъ реакціонеровъ, въ Галичинѣ существуетъ группа людей (москвофилы) проповѣдующихъ желательность и для этой страны россійскаго владычества и единой россійской литературы; на деньги изъ Россіи эти люди издаютъ два или три органа, разсылаемые по большей части безплатно и, за неумѣньемъ москвофиловъ ни говорить ни писать по московски, выходящіе на какомъ-то уморительномъ украино-великорусско-польско-церковнославянскомъ жаргонѣ именуемомъ авторами „русскимъ язычіемъ“ (sic!). Въ этихъ органахъ ведется пропаганда въ духѣ, разумѣется, вдохновителей изъ Петербурга и помѣщаются печатные доносы въ подмогу къ доносамъ письменнымъ, — прямо по адрессу русской полиціи, о которыхъ было сказано выше.

Какъ уже было упомянуто, въ настоящее время воспрещены въ Россіи всѣ безъ ис-

ключенія изданія изъ Галичины (кромѣ, конечно, субсидируемыхъ россійскимъ правительствомъ органовъ москалефиловъ). Но даже и тогда, когда нѣкоторыя періодическія изданія оттуда еще пропускались, всѣ книги подвергались строгому запрещенію Книга могла двадцать разъ быть издана въ Россіи, но разъ она появлялась въ Галиціи, то это изданіе, повторявшее слово въ слово изданія россійскія, становилось для восточнаго украинца запретнымъ плодомъ, а держаніе его у себя — наказуемымъ. Такъ запрещена въ Россіи галицкая Историческая Библіотека, составленная изъ переводовъ историческихъ сочиненій русскихъ профессоровъ.

Таково отношеніе россійскаго правительства къ украинской литературѣ. Но этимъ не ограничивается его „обрусительная“ дѣятельность. Во всѣхъ школахъ, начиная съ народной и кончая университетомъ, преподаваніе ведется по великорусски. Украинскій языкъ и украинская книжка совершенно изгнаны изъ школы, церкви, общественныхъ и оффиціальныхъ учрежденій. Учащемуся юношеству строго внушается мысль, что существуетъ только одна нація — „русская“ и одинъ языкъ — языкъ государственный т. е. языкъ великорусской литературы. Научиться своей исторіи нѣтъ никакой возможности: школа преподаетъ своимъ ученикамъ исторію возвышенія и роста московскаго государства (беря изъ украинской исторіи только факты къ этому относящіеся и разсматривая ихъ какъ частные факты той-же

государственной исторіи) и эту исторію выдаетъ за „родную“ для украинцевъ. Благодаря этому исчезаетъ возможность національнаго воспитанія. Кромѣ того россійское правительство систематически наводняетъ Украину чиновниками и духовенствомъ изъ великоруссовъ, а украинцевъ посылаетъ въ иныя области. Все это приводитъ къ тому, что громадное большинство украинской интеллигенціи говоритъ по великорусски и до такой степени сбито съ толку въ пониманіи національнаго вопроса и положенія своей страны, что никакъ не можетъ разобраться въ этихъ вещахъ. Народъ удерживаетъ свой языкъ, но и здѣсь правительство силится вводить омосковленіе. Мы уже говорили о школахъ. Отъ народныхъ учителей требуется денаціонализаторская дѣятельность. Учителя, замѣченные въ украинскихъ симпатіяхъ, изгоняются — такихъ случаевъ извѣстно множество. До чего доходитъ здѣсь нетерпимость правительства, показываетъ напр. тотъ фактъ, что у одного учителя отняли право преподаванія за то, что онъ въ классѣ перевелъ двѣ фразы изъ Евангелія Матѳея по украински; другаго изгнали изъ школы за то, что на вопросъ школьнаго инспектора, знаетъ-ли ученикъ какую нибудь басню, послѣдній прочиталъ случайно имъ выученную украинскую басню Глібова и пр. Кромѣ того всѣ оффиціальныя сношенія съ сельскими общественными учрежденіями ведутся на государственномъ языкѣ, котораго народъ на $^3/_4$ не понимаетъ; отъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія начальствомъ тре-

буется, чтобы они говорили по „русски“ и того-же требовали и отъ своихъ подчиненныхъ. Тѣмъ-же требованіямъ подвергаются и всѣ украинцы, попадающіе въ россійскую армію. Тамъ имъ приходится выносить побои и издѣвательства за свой языкъ. Ихъ систематически переводятъ на постой въ великорусскія губерніи, а въ украинскія посылаютъ войска изъ великоруссовъ. Омоскаленное или великорусское духовенство на Украинѣ, вмѣстѣ съ сельской полиціей разгоняетъ палками украинскихъ парней и дѣвушекъ, поющихъ украинскія пѣсни, а земскіе начальники даютъ для этого надлежащія инструкціи

Мы уже упоминали раньше, что всякая сколько нибудь выдающаяся украинская рукопись, запрещенная цензурою, отправляется послѣднею въ Главное Жандармское Управленіе; объ остальныхъ цензура только увѣдомляетъ жандармовъ. Каждый пишущій по украински можетъ быть увѣренъ, что онъ состоитъ въ спискѣ неблагонадежныхъ лицъ и подъ присмотромъ секретной полиціи. Такое-же вниманіе жандармовъ привлекаетъ и каждый интеллигентный человѣкъ, говорящій въ обществѣ или у себя дома по украински. Впрочемъ если-бъ все ограничивалось тайнымъ присмотромъ, то съ этимъ еще можно-было-бъ существовать; но дѣло идетъ дальше и мы видимъ, что украинскіе дѣятели по совершенно ничтожнымъ причинамъ подвергаются безъ суда тюремному заключенію, ссылкѣ, лишенію должностей, т. е. лишенію куска хлѣба. Мы могли-бы привести

очень, очень длинный списокъ людей переносившихъ или переносящихъ все это; но не дѣлаемъ этого не получивъ на то предварительно ихъ согласія. Ограничимся только указаніемъ на факты, засвидѣтельствованные уже печатью. Украинскіе писатели и иные дѣятели: Костомаровъ, Кулішъ, Шевченко, Савичъ, Навроцкій, Гулакъ, Конисскій, Марковичъ, Чубинскій, Ефименко или сидѣли въ тюрьмѣ, или были сосланы, или потерпѣли то и другое вмѣстѣ. Проф. кіевскаго университета Драгоманову съ удаленіемъ отъ каѳедры воспрещено было проживаніе въ украинскихъ губерніяхъ и въ столицахъ, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ поселиться заграницей; туда-же принуждены были переселиться Зиберъ, Подолинскій и Волковъ. О людяхъ подвергавшихся разнымъ преслѣдованіямъ, отнятію мѣстъ (напр. историкъ Бодянскій, поэтъ Глібовъ и др.), мы уже не говоримъ, — списокъ ихъ былъ-бы слишкомъ длиненъ. Мы здѣсь только прибавимъ, что такія преслѣдованія продолжаются и въ настоящій моментъ: не далѣе какъ въ 1893 г. въ Харьковѣ было арестовано до 20 человѣкъ (писателей, учителей и студентовъ) за то, что они тайно выписали изъ Галиціи тюкъ украинскихъ книгъ... Можетъ-ли европейскій читатель представить себѣ, что большинство этихъ книгъ состояло изъ такихъ произведеній, какъ напр. Новый Завѣтъ, Донъ-Кихотъ Сервантеса, передѣлка для дѣтей Рейнеке-Фукса Гёте, Записки научнаго общества им. Шевченка и пр.?! Эти „опасныя“ книги были конфискованы, а люди,

причастные къ ихъ полученію и храненію — брошены въ сырые подвальные казематы Харьковской тюрьмы, гдѣ нѣкоторые просидѣли по десяти мѣсяцевъ и еще должны будутъ сидѣть, такъ какъ слѣдствіе (не смотря на „Всемилостивѣйшій Манифестъ“) не прекращено и административныя наказанія безъ суда еще ожидаютъ „виновныхъ.“ Необходимо замѣтить при этомъ, что всѣ эти люди потеряли свой заработокъ, такъ какъ ихъ сейчасъ же уволили со всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, а часть ихъ жандармы и теперь не допускаютъ къ занятію какого-либо мѣста и тѣмъ заставляютъ голодать; студенты-же всѣ были исключены изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Такъ обращается россійское правительство съ живыми; но даже и мертвые не избавлены отъ его преслѣдованій. На могилѣ Шевченка напр. деревянный крестъ подгнилъ и упалъ. Одинъ изъ почитателей поэта хотѣлъ поставить новый... Ему не позволяютъ! И надо было множество усилій, чтобы въ государствѣ, называющемъ себя христіанскимъ, получить разрѣшеніе оказать христіанину ту посмертную услугу, которая требуется самой религіей — поставить ему крестъ.

Пусть европейскій читатель сообразитъ все это, пусть онъ, если можетъ, представитъ себѣ картину той ужасной обстановки, среди которой живетъ украинскій народъ и его интеллигенція. Подвергаясь всей той тяжести правительственнаго гнета, которую несетъ на себѣ и великорусскій народъ, украинская нація тер-

питъ еще гоненія за свои національныя стремленія. Народъ лишенъ всякой возможности просвѣщаться, такъ какъ существующія школы занимаются только обмосковленіемъ учащихся въ нихъ дѣтей; литература запрещена; языкъ изгнанъ отовсюду: изъ церкви, школы, оффиціальныхъ и общественныхъ учрежденій, изъ общества; каждое украинское слово, каждое сношеніе съ Галиціей, вызываетъ полицейскій присмотръ, а часто тюрьму, ссылку, голодъ вслѣдствіе лишенія права зарабатывать! И замѣтьте, что все это происходитъ въ государствѣ, гдѣ политическія преступленія караются безъ суда, гдѣ кулачную расправу позволяютъ себѣ даже губернаторы (напр бывшій черниговскій губернаторъ, а теперь членъ государс. Совѣта Анастасьевъ), гдѣ политическіе заключенные морятъ себя голодомъ для того, чтобы добиться очищенія ихъ камеры отъ умышленно туда поставленнаго для отравленія воздуха зловоннаго сосуда съ текущими изъ него экскрементами. Надо сообразить все это, чтобы понять положеніе, въ которомъ находятся преслѣдуемые русскимъ правительствомъ украинскіе дѣятели.

Но и среди этой звѣрской вакханальи разнузданныхъ палачей человѣческой души и тѣла, лучшіе люди Украины не теряютъ ни бодрости ни непоколебимой увѣренности въ торжествѣ своего дѣла. Они убѣждены въ томъ, что 20 милліоновъ украинскаго народа добьются рано или поздно себѣ свободы, а Россія или превратится въ федеративное государство, или должна

будетъ развалиться подъ напоромъ центробѣжныхъ силъ отдѣльныхъ національностей ее составляющихъ. Кромѣ украинскаго народа въ оппозиціи противъ ассимиляторской системы правительства стоятъ и финны и латыши и нѣмцы и поляки и ормяне и грузины и румыны. Украинцы — самый крупный изъ негосударственныхъ народовъ въ Россіи (17 милл. при 3 ½ милл. въ Австріи) и уже по этому одному имъ суждено играть выдающуюся роль въ судьбахъ ея. Кромѣ того они самые яркіе въ Россіи сторонники демократически-федеративнаго принципа и украинскій историкъ Костомаровъ посвятилъ свои многотомныя произведенія указанію и разъясненію федеративнаго начала въ древней Руси. Это демократически-федеративное направленіе украинской національности и ея литературы не можетъ остаться безъ благодѣтельнаго вліянія на перестройку государственнаго порядка Россіи. Для будущности россійскихъ народовъ не безразлично, будутъ ли Украинцы окончательно стерты съ лица земли или ихъ дѣло восторжествуетъ. Ихъ побѣда будетъ побѣдой демократически-федеративнаго принципа и на оборотъ — ихъ пораженіе будетъ новымъ торжествомъ централизма, а потому и абсолютизма. И потому, если вопросъ объ обращеніи Россіи въ правовое государство — вопросъ европейскій, то и борьба украинцевъ за свою національность является также вопросомъ европейской важности. Если-бъ украинцы въ своей тяжелой борьбѣ на-

шли поддержку со стороны Европы, то это только ускорило-бъ дѣло реформы въ Россіи.

По тѣмъ же причинамъ и великороссы должны были-бы озаботиться самой серьезной помощью украинцамъ. Но они должны это сдѣлать и по другой причинѣ. Сколько-бы ни говорили истинно либеральные великороссы о своей непричастности къ тому гнету, который испытываетъ украинская нація, все же они не могутъ отрицать, что извѣстная часть ихъ печати стоитъ за этотъ гнетъ и что правительство давитъ украинцевъ во имя великорусской народности, что украинскій языкъ и литература преслѣдуется во имя великорусскаго языка и литературы; что, наконецъ, украинцу не дозволяютъ быть украинцемъ, для того чтобы насильно сдѣлать его великороссомъ... И особенно теперь, когда правительство въ числѣ своихъ принциповъ выставило на главномъ мѣстѣ принципъ государственной народности, особенно теперь всѣ честно-мыслящіе великороссы должны не только отрекаться отъ всякой солидарности въ этомъ дѣлѣ съ правительствомъ, но и принять участіе въ борьбѣ противъ національнаго гнета. Они должны это сдѣлать, чтобы на нихъ не упалъ позоръ соучастія въ гнусномъ дѣлѣ, чтобы исторія не сказала о нихъ: вотъ люди, которые спокойно смотрѣли на то, какъ во имя ихъ націи порабощали другую націю.

На этомъ мы пока остановимся и только попросимъ всѣ изданія сочувствующія протесту порабощаемыхъ противъ поработителей пе-

репечатать эту статью или ея главные пункты, чтобы весь міръ могъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ наканунѣ XX. вѣка въ Европѣ возвращаются мрачныя времена инквизиціи и людей, бросаютъ въ тюрьмы за то, что они желаютъ читать на родномъ языкѣ евангеліе, а также и для того, чтобъ Западная Европа могла знать, что существуетъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ней народъ, который въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ боролся противъ азіатскихъ кочевниковъ на самой дорогѣ этихъ послѣднихъ и останавливалъ ихъ напоръ на Европу, защищая такимъ образомъ своей израненной грудью европейскую цивилизацію; что этотъ народъ щедро проливалъ свою кровь за народную свободу и равенство, и если вслѣдствіе несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ и находится теперь въ политическомъ порабощеніи, — то эти принципы народной свободы и равенства все таки остаются основными принципами его нравственнаго существованія. Во имя этихъ принциповъ, во имя цивилизаціи и братства народовъ, Украина обращается ко всей Европѣ и ждетъ отъ нея поддержки и ободренія.

